

Призвание историка

Проблемы
духовной и политической
истории России
Сборник статей

Призвание историка

Проблемы
духовной и политической
истории России

Сборник статей

К 60-летию
профессора В.В.Шелохаева

Москва
РОССПЭН
2001

НАКАНУНЕ СТОЛЕТИЯ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ (историографические заметки)

Меньше четырех лет остается до столетия с момента начала Первой российской революции. При советской власти эта круглая дата революционного календаря, без всякого сомнения, была бы отмечена широкомасштабной идеологической кампанией, в которую включились бы все союзные и автономные республики СССР, а также страны социалистического лагеря. Сейчас же такой юбилей, скорее всего, пройдет почти незамеченным, поскольку само отношение к революции и народу, ее совершившему, не говоря уже о партии большевиков, которая сыграла в событиях 1905—1907 гг. далеко не последнюю роль, принципиально изменилось: революции из «локомотивов истории» превратились в кровавые трагические срывы в ходе благотворного процесса модернизации России, революционеры из героев стали почти преступниками, а сам народ, как и встарь, вновь обрел статус дикой и темной толпы с дурными наклонностями к анархистскому бунту и бессмысленному разрушению.

Еще сравнительно недавно часть наших историков выражала горячее и вполне искреннее желание деидеологизировать и деполитизировать историческую науку. Однако жизнь быстро похоронила эти мечты, ибо история, политика и идеология — это близнецы, отделить которых друг от друга даже труднее, чем сиамских братьев и сестер. Наука история всегда обращала свои взоры прежде всего к власти и истеблишменту, которые давали, дают и будут давать, а точнее говоря ее жрецам, и социальный заказ, и материальную подпитку. И когда нынешняя российская власть с самых высоких трибун заявляет, что лимит на революции в России исчерпан, а у нашего истеблишмента само слово «революция» вызывает дрожь и отвращение, любой российский историк десять раз подумает, стоит ли ему вообще писать о революции, а если и сделает это, то постарается использовать в основном темные, мрачные краски, соответствующие ужасам революционного насилия и «смуты».

Что касается нашей интеллигенции, то основная ее масса давно отождествила революцию с коммунизмом и тоталитаризмом и на этом весьма сомнительном основании отказала ей во всяком доверии, гневно осуждая тех своих «заблудших»

собратьев, которые еще осмеливаются говорить и писать о революции хоть что-то позитивное. Народ же России, вышедший из страшной круговерти двадцатого века обманутым, униженным и оскопленным, занят сегодня элементарным физическим выживанием и уже неспособен на борьбу за свои права и будущее своих детей.

В этом контексте не приходится удивляться тому, что безудержная идеализация революций в советское время уступила место их очернению, плюсы в оценках почти механически поменялись на минусы и вместо сколько-нибудь значительного приращения исторических знаний о революции мы имеем на сегодняшний день в основном лишь немногочисленные реинтерпретации давно известных фактов в духе новых идеологических веяний и столь же немногочисленные фрагментарные исследования отдельных новомодных сюжетов из жизни правящих «верхов», либеральных и консервативных партий или Государственной думы при почти полном забвении массовых народных движений и деятельности революционных партий и организаций. А ведь именно они составляют живую душу революции, ее суть, определяют лицо революционной эпохи.

Я далек от идеализации советской историографии Первой российской революции, которая, руководствуясь заданной сверху партийной концепцией, накопила огромное количество фактического материала, одновременно предав забвению или умышленно исказив все, что не укладывалось в официальную схему событий и в довольно ограниченный перечень «героев» революции. Сегодня формально можно писать обо всем и обо всех, однако немногочисленные историки революции по-прежнему не вылезают из Королевства кривых зеркал, ибо отсутствие цензуры еще не отменяет действия таких дикторов, как «дух времени», историографическая «мода», самоцензура, требования книжного рынка и т.д. и т.п. В итоге характерными чертами современной литературы на революционную тему являются: дегероизация и дегуманизация революции и революционеров, акцент на их негативных, деструктивных качествах, перенесение центра тяжести с массовых социальных движений «низов» на политику правящих «верхов», прославление реформаторской деятельности власти и затушевывание позитивных результатов революции.

Не случайно в современных вузовских учебниках по истории Отечества о революции 1905—1907 гг. пишут довольно скупо и сухо, а среди ее действующих лиц преобладают персонажи из правительственного и либерального лагерей.

Возьмем для примера подготовленное в МПГУ учебное пособие «История России с древнейших времен до конца XX века» (М., 2000) под ред. С.В.Леонова. Революции 1905—1907 гг. здесь посвящены целых 17 стр., на которых упомянуты 58 имен. Но собственно революционеров среди них только трое — Л.Б.Красин, Л.Д.Троцкий и П.П.Шмидт. В московском университетском учебнике «История России XIX — начала XX вв.» под ред. В.А.Федорова (М., 2000) периоду революции уделены 10 стр. Кроме того, еще на 13 стр. рассказывается о политических партиях и о деятельности первых двух составов Государственной думы. В параграфе, посвященном собственно революции, — 14 имен, в том числе лейтенанта П.П.Шмидт, эсер Ухтомский и Г.В.Плеханов. История политических партий представлена 39 именами. В их числе 5 революционеров (меньшевики Г.В.Плеханов и П.П.Маслов, эсеры Е.Ф.Азеф, Б.В.Савинков и М.И.Соколов). Характерно, что Ленин не назван ни в первом, ни во втором учебнике. Наконец, в книге «Новейшая история Отечества. XX век», т. 1 (М., 1998) под ред. А.Ф.Киселева и Э.М.Шагина (МПГУ) в разделе о революции 1905—1907 гг. лишь 15 имен, в том числе эсер П.М.Рутенберг и все тот же П.П.Шмидт.

Но еще важнее те оценки революции 1905—1907 гг., которые звучат сегодня со страниц вузовских учебников. Справедливости ради нужно сказать, что пока еще в них признается наличие в наследии революции целого ряда позитивных моментов: сильный удар по абсолютистской системе управления и сословному появлению парламента и политических партий, улучшение материального положения трудящихся и т.д. Однако в последние годы в учебной литературе появилось не только вполне справедливое упоминание о той достаточно дорогой цене, которую пришлось заплатить стране и ее народу за эти прогрессивные новации (человеческие жертвы, разрушение реальных ценностей, обострение ситуации с преступностью, межэтнические конфликты), но и оценки, напоминающие некий приговор революции от имени истории.

В этой связи трудно удержаться от того, чтобы не процитировать одно место из учебника «История России. XX век», подготовленного ИРИ РАН в 1996 г. Главное (подчеркнуто автором. — С.Т.) в итогах и уроках революции 1905—1907 гг. состоит в том, что она «показала всю мерзость кровавого социального конфликта, когда во имя политических целей убивали и калечили людей, часто ни в чем не замешанных; она показала весь ужас русского бунта, которому со времен

Александра Пушкина предсказывали быть "бессмысленным и беспощадным". И когда в годы революции, по словам Д. Мережковского, «люди подошли к краю и заглянули в бездну», то многие содрогнулись. Но прозрели лишь некоторые».

Думается, что главное в итогах Первой российской революции состоит все-таки не в этом. И каждый, кто дорожит сегодня демократией и свободой, должен бы помнить, что именно в 1905 г. в России впервые повеяло ветром демократических перемен, а народ почувствовал себя не только царскими подданными, но и людьми.

Революция 1905—1907 гг. вовсе не была трагической случайностью или плодом некоего заговора левых экстремистов. В сущности говоря, механизм возникновения революций (не заговоров и переворотов, а именно революций) достаточно прост. Любое человеческое общество, чтобы избежать застоя, деградации, нуждается в периодических переделах собственности, прав и обязанностей своих граждан и самой власти. Как известно, в ходе общественного развития одни социальные группы и слои идут вверх и набирают силу, другие, наоборот, постепенно хиреют, приходят в упадок. «Изнашиваются» со временем и власть, и ее конкретные носители. Не нужно также забывать, что рост народонаселения (а в России на протяжении XIX в. оно увеличилось более чем втрое) тоже создает немалые проблемы, поскольку появляются десятки миллионов новых людей, которым нужно «место под солнцем»: земля, рабочие места, сносные условия жизни, возможность реализовать свои способности. Кроме того, существуют и такие понятия, как вызов времени, требования эпохи, международные стандарты, которым должна соответствовать каждая страна, претендующая на соответствующее ее рангу место в мировом сообществе, тем более если речь идет о великой державе, стремящейся сохранить свои приоритетные позиции на международной арене.

Указанный передел может осуществляться естественным, органическим путем или с применением насилия. Это зависит от степени отлаженности механизмов социального регулирования, дистанции между «верхами» и «низами» общества, их политической культуры и мудрости власти. Когда данные параметры выходят за пределы некой нормы, позволяющей избегать социальных потрясений, и происходит взрыв, который мы привыкли называть революцией.

Именно такой взрыв, сопровождаемый гигантским выбросом социальной энергии на общенациональном уровне, и произошел в 1905 г. в России. Здесь в ходе длительного и сложного процесса модернизации страны общество встало

на рубеже XIX и XX в. перед острейшей необходимостью резко ускорить темпы этого процесса, сделать развитие отдельных секторов народного хозяйства различных сфер общественной жизни более сбалансированным и пропорциональным, а главное — более равномерно и справедливо распределить тяготы и издержки прогресса между различными слоями общества, покончить с неоправданными монополиями и привилегиями одних и униженным, полурабским положением других, создать трудящемуся большинству условия для нормального человеческого существования.

Между тем самодержавная власть явно медлила с проведением давно назревших реформ и совсем не торопилась с решением кардинальных вопросов российской действительности — аграрно-крестьянского, рабочего, национального. Расплата за эту недальновидную, эгоистичную политику и наступила в 1906 г. Нельзя не вспомнить в этой связи одно место из мемуаров выдающегося государственного деятеля России того времени С.Ю.Витте: «В конце XIX в. и в начале XX в. нельзя вести политику средних веков, когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют своей престиж и силу» (Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 517).

Как объект научного исследования революция 1905—1907 гг., пожалуй, даже интереснее, чем революция 1917 г., неудержимо и безостановочно катившаяся от февраля к октябрю на гребне гигантской волны народного недовольства войной и разрухой. В 1905 г. веер возможных альтернатив общественного развития был гораздо богаче, а судьбоносных «развилок» на пути революции, когда она могла либо остановиться, либо пойти к новому подъему, — гораздо больше. Старый режим, несмотря на переживаемый им кризис, был еще полон сил, и поэтому уже в ходе революции правительство пошло на ряд конструктивных и достаточно радикальных реформ, о которых до этого десятилетиями шли только бесплодные разговоры. Иначе говоря, революция оживила не только «низы», но и «верхи» общества, изменила ритм их жизни, ускорила ее темп.

Никогда еще в России не наблюдалось такой общественной активности, не было такого количества самых разных публичных мероприятий и периодических изданий. Как грибы после дождя, одна за другой появлялись политические

партии самых разных направлений — от консервативно-охранительного до леворадикального, во главе которых стояли яркие и далеко не бесталаные лидеры. Страна проделала первый опыт отечественного парламентаризма, который, несмотря на многочисленные издержки и неизбежные «накладки», имел в целом позитивное историческое значение. Качественно изменился и сам народ, не только беспощадно разгружавший вековые устои российской государственности, но и пытавшийся найти какие-то новые, более демократичные нормы общественно-государственного строительства — часто наивные и несовершенно, но во многом перспективные и как бы устремленные в будущее. Поэтому не будет преувеличением сказать, что в 1905—1907 гг. российская власть и общество, хотя и с трудом, все же искали общий язык и учились понимать друг друга, без чего жить в XX в. было уже нельзя.

Казалось бы, именно сейчас историки могли рассказать обо всем этом свободно, открыто, без пресловутой «фигуры умолчания», которая была непременным атрибутом даже лучших образцов советской историографии. Однако этого, увы, не случилось. И дело здесь не только в резком количественном сокращении исследований и научно-популярных работ на революционную тему. В конечном счете одна—две яркие и глубокие книги часто стоят десятков серых, конъюнктурных поделок, переполнивших ныне книжный рынок. Ведь сегодня за настоящим потоком исторической литературы, обрушившимся на читателя, не могут уследить, а тем более купить новые книги и внимательно прочитать их даже специалисты, не говоря уже просто о любителях истории. Тревогу вызывает другое: фактическое свертывание серьезной исследовательской работы по революционной тематике и угасание целых направлений научного поиска, в частности истории рабочего и крестьянского движения в 1905—1907 гг. Представляется, что усиление внимания к таким проблемам, как «революция и реформы», «история российского парламентаризма», «история политических партий» не может служить оправданием своего рода «вымыывания» традиционной для советской историографии проблематики, связанной с историей Первой российской революции, которая тоже нуждается в новом прочтении и переосмыслении.

Между тем вот уже 5 лет в России не издавался ни один обобщающий труд о событиях 1905—1907 гг. (последняя книга такого рода под названием «Первый штурм царизма» вышла в свет в 1986 г.), хотя потребность в нем очевидна. При этом писать историю революции нужно, конечно, не

так, как это делалось раньше, когда в основе ее концепции лежало несколько заранее заданных постулатов: гегемония пролетариата, монополия большевиков на подлинную революционность, предательство народных интересов буржуазией и ее партиями и т.д. Классово-партийный подход к событиям 1905—1907 гг. оборачивался плакатной черно-белой схемой революционного процесса, в котором в реальной действительности было гораздо больше красок и оттенков, а значит, и действующих лиц. Соответственно нуждается в значительном расширении и источниковая база такого обзорного труда, тем более что за последнее десятилетие в научный оборот было введено немало новых документальных комплексов, относящихся к деятельности в 1905—1907 гг. различных социальных слоев, партий и отдельных исторических персонажей.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что истекшее для историографии Первой российской революции десятилетие нельзя считать «потерянным», хотя издержки смены методологической парадигмы были неоправданно велики (точно так же, как это уже было в 1920—1930-е гг. при утверждении в исторической науке марксистско-ленинского подхода). К достижениям последнего десятилетия следует, в частности, отнести расширение доступной ученым не только Москвы и Петербурга, но и наших многочисленных периферийных вузовских центров источниковой базы по истории Первой российской революции. Большая заслуга в этом принадлежит издательству «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) и его руководителям В.В.Шелохаеву и А.К.Сорокину. В первую очередь здесь следует сказать о многотомной, непрерывно пополняющейся серии «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие». В 1990-е гг. в ней вышли публикации, рассказывающие о деятельности кадетов, октябристов, социал-демократов, эсеров, анархистов, правых партий и организаций. Издания серии отличаются высокой публикаторской культурой, тщательный подбор наиболее важных и интересных документов, наличие аналитических вводных статей и научных комментариев. Ценность этого уникального издания, которое все шире используется в научных исследованиях и в высшей школе, трудно переоценить. Часть документов была опубликована в томах серии впервые, многие из опубликованных ранее не переиздавались почти сто лет.

Заслуживает специального внимания и выпущенный в РОССПЭН сборник «Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика)» (1996),

где событиям Первой российской революции уделено очень большое место, причем здесь опубликованы не только программные документы указанных партий, но и лучшие образцы публицистики П.Н.Милюкова и П.Б.Струве, а также воспоминания Д.И.Шаховского, А.В.Тырковой-Вильямс, В.А.Маклакова, Д.Н.Шипова и др.

Специфику российской многопартийности, которая в первые расцвета пышным цветом именно в 1905—1907 гг., помогают понять программы различных политических партий, переизданные после большого перерыва в 1990-е годы. И здесь первое место снова принадлежит РОССПЭНу, издавшему в 1995 г. наиболее полный сборник документов самых разных политических партий России от крайне правых до крайне левых с комментариями и необходимыми историческими справками.

Значительно пополнилась в последние годы библиотека исторической мемуаристики. Переизданы воспоминания С.Ю.Витте, А.П.Извольского, В.Н.Коковцова, С.Е.Крыжановского, а также выпущены из темниц спецхранов мемуары Л.Д.Троцкого, В.М.Чернова, А.Ф.Керенского, Б.В.Савинкова, П.Н.Милюкова, А.В.Тырковой-Вильямс и др. Настоящим подарком историкам стала книга многолетнего товарища министра внутренних дел В.И.Гурко «Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников» (М., 2000). Много интересного можно найти и в воспоминаниях сподвижника Столыпина, датчанина на русской службе Карла Кофода «50 лет в России» (М., 1997). Две последние книги изданы на русском языке впервые, как и интереснейшие дневники и воспоминания министра народного просвещения в кабинете Витте И.И.Толстого (М., 1998).

На фоне явного угасания интереса исследователей к массовому революционному движению приятным и крайне полезным для исследователей исключением является книга «Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905—1907 гг.» (автор-составитель Л.Т.Сенчакова), изданная в 2000 г. Сборник включает в себя около 300 документов, характеризующих настроения крестьян в период революции, их требования к правительству, отношение к революционным и оппозиционным партиям. Л.Т.Сенчаковой принадлежит также и указатель документальных публикаций по теме «Революционное движение в армии и на флоте. 1905—1907 гг.» (М., 1994).

Чрезвычайно полезна (особенно для преподавателей и студентов вузов) подготовленная Л.Д.Ерофеевым докумен-

тальная публикация «Российское самодержавие в начале XX в.: от абсолютной к думской монархии» (М., 1998), а также обширные выдержки из стенографических отчетов заседаний двух первых составов Государственной думы России, подготовленные к печати учеными ИРИ РАН и аппаратом нынешней Думы и выпущенные в двух томах в 1995 г. Говоря о последнем издании можно лишь пожалеть о том, что его ограниченный объем не позволил показать деятельность первого российского парламента более полно и дать к документам научный комментарий.

Особо нужно выделить такое уникальное по информативности издание, как изданная РОССПЭНом в 1996 г. энциклопедия «Политические партии России», в которую включены подробные исторические очерки о всех наиболее крупных партиях, действовавших на политической арене России в 1905—1907 гг., их печатных органах и лидерах. Такого рода издание, осуществленное под руководством и при активном авторском участии В.В.Шелохаева, было предпринято в нашей стране впервые и вызвало живой отклик научной общественности. Об этом свидетельствует, в частности, большой круглый стол, специально посвященный обсуждению энциклопедии, который был проведен в 1997 г. редакцией журнала «Отечественная история» (№ 3). Авторский коллектив энциклопедии включал в себя таких известных специалистов по истории политических партий России, как И.С.Розенталь, Н.Г.Думова, Н.Д.Ерофеев, Ю.И.Кириянов, О.В.Волобуев, В.В.Кривенький, Д.Б.Павлов, Н.И.Канищева, Н.Б.Хайлова и др.

Если говорить о современной историографии революции 1905—1907 гг. в собственном смысле слова, то ее можно условно разделить на две части. Одну из них составляют обобщающие труды, в которых так или иначе отражен период Первой российской революции. Очерк ее основных событий занял подобающее ему место в пятом томе «Истории Европы» (автор С.В.Тютюкин), увидевшем свет в 2001 году. Интересную интерпретацию событий 1905 г. в Москве предложил Ю.А.Петров в третьем томе «Истории Москвы» (М., 2001). Положительно были встречены научной общественностью два издания учебника по истории политических партий России (1994, 2000) под ред. А.И.Зевелева (1-е изд.) и В.В.Шелохаева, А.И.Зевелева и Ю.П.Свириденко (2-е изд.). При этом второе издание расширено не только хронологически, но и с точки зрения полноты представленных в нем партийных образований, в том числе и национальных (М.И.Смирнова). В 1997 г. увидели свет и материалы меж-

дународной научной конференции «История национальных политических партий России» под ред. В.В.Шелохаева.

В этом же ряду можно также назвать фундаментальное исследование «Власть и реформы» (СПб., 1996) под ред. академика Б.В.Ананьича (автором большого раздела о революции 1905—1907 гг. является здесь член-корреспондент РАН Р.Ш.Ганелин), опубликовавший в 1991 г. авторскую монографию «Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция». Следуя давним традициям петербургской школы историков, Р.Ш.Ганелин прекрасно показал сложную диалектику реформ и революций в России на примере, когда под нажимом общества самодержавный режим предпринял вторую после Великих реформ XIX в. крупномасштабную попытку самореформирования, затронувшую на этот раз и «заповедную» в прошлом зону — политический строй страны.

Ценный материал о революции 1905—1907 гг. вошел и в такие панорамно-обзорные труды, как «Марксисты и русская революция» С.В.Тютюкина и В.В.Шелохаева (М., 1996), «Власть и оппозиция» (М., 1995) под ред. В.В.Журавлева, «История предпринимательства в России» (кн. 2. М., 2000) под ред. Ю.А.Петрова, «История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в.» (М., 1997) под ред. А.В.Игнатьева.

Период Первой российской революции занял видное место в обобщающих работах по истории российского парламентаризма: монографиях А.Ф.Смирнова «Государственная дума Российской империи. 1906—1917. Историко-правовой очерк» (М., 1998), В.А.Демина «Государственная Дума России 1906—1917: механизм функционирования» (М., 1997), А.П.Бородина «Государственный Совет России. 1906—1917 гг.» (Киров, 1999) и др. Характерной приметой времени является то, что все чаще в работах на эту тему звучит мысль о том, что в годы революции Россия все-таки стала конституционной парламентской монархией, а Государственная дума и Государственный совет — российским парламентом, хотя в России не было всеобщего и равного избирательного права, а компетенция Думы была значительно урезана по сравнению с парламентами основных развитых стран мира.

Естественно, не обходятся без более или менее развернутых разделов о событиях Первой российской революции и роли в них наиболее крупных государственных и общественных деятелей страны различной партийной ориентации и работы биографического жанра, которые продолжают лидировать по популярности в читательской аудитории. Наряду с крайне апологетическими работами о Николае II и членах

его семьи, написанными А.Н.Бохановым (его книга о последнем русском императоре вышла в свет в 1997 г. в серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия», причем само это сочетание выглядит достаточно парадоксально, чтобы не сказать более), появился в последние годы и ряд серьезных исследований прежде всего о С.Ю.Витте и П.А.Столыпине — двух наиболее выдающихся государственных деятелях России начала XX в., буквально спасавших династию Романовых от краха в 1905—1907 гг. В 1998 г. вышла из печати книга А.П.Корелина и С.А.Степанова «С.Ю.Витте — финансист, политик, дипломат», а через год — монография Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина «Сергей Юльевич Витте и его время». В первой убедительно показана программа социально-экономических преобразований России, которую разработал и осуществлял Витте в конце царствования Александра III, в первое десятилетие правления Николая II и, наконец, в 1905—1906 гг., когда этот выдающийся деятель на короткое время снова был призван к власти (виттевская индустриализация, денежная реформа, попытка решения аграрно-крестьянского вопроса). В монографии Ананьича и Ганелина, отличительной особенностью которой является блестящий микроанализ в первую очередь общественно-политической деятельности Витте, примерно треть ее посвящена именно периоду революции. Обращает на себя внимание богатейшая источниковая база этого исследования, широкое использование в нем архивных документов. В итоге Витте предстает здесь как политик, которому Россия в первую очередь обязана теми существенными сдвигами в политическом строе, о которых прежде десятилетиями только мечтали русские либералы, причем понадобилась именно первая в истории нашей страны общенациональная революция, чтобы лед наконец тронулся и Россия смогла вступить на путь конституционализма и парламентаризма.

В литературе о П.А.Столыпине в годы «перестройки» и в начале постсоветского периода преобладали апологетические тона, однако сейчас оценки его деятельности становятся более сбалансированными. Признание несомненного административного таланта Столыпина и стремления сочетать твердый курс на стабилизацию пошатнувшегося в годы революции царского строя с проведением конструктивных социальных реформ в духе проектов Н.Х.Бунге и С.Ю.Витте сочетается с признанием неудачи Столыпина в осуществлении многих намеченных им преобразований. Лучшей работой последних лет о Столыпине остается книга П.Н.Зыряно-

ва «Петр Столыпин: политический портрет» (М., 1992), где оптимально сбалансированы позитивные и негативные черты его государственной деятельности в 1906—1911 гг. Среди биографических очерков о революционерах следует упомянуть книги С.В.Тютюкина о Г.В.Плеханове, И.Х.Урилова о Ю.О.Мартове и К.В.Гусева — о В.М.Чернове. Интересны также работы А.С.Сенина о А.И.Гучкове и Ю.А.Петрова о династии Рябушинских. Обрел своих биографов и Георгий Гапон (см.: Кавторин Вл. Первый шаг к катастрофе. СПб., 1992; И.Н.Ксенофонов. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996).

Гораздо меньше работ, специально посвященных периоду Первой российской революции. «Репертуар» новых исследований по этой проблематике стал в целом уже, чем прежде, хотя здесь появились и новые темы. Об этом можно, в частности, судить по содержанию сборника «1905 год — начало революционных потрясений в России XX века» (М., 1996), где собраны материалы международной конференции, приуроченной к 90-летию начала революции 1905 г. В книге опубликованы 16 докладов, включая заглавный, автором которого был председатель Научного совета академик РАН П.В.Волобуев, «История революций России». Из российских участников конференции назовем В.В.Шелохаева («Становление многопартийности в России»), К.Ф.Шацилло («Альтернативы социально-политического развития России в начале XX в.»), Н.А.Иванову и В.П.Желтову («Социальная структура России в начале XX в.: коррективы в традиционных представлениях»), С.В.Тютюкина («Современная историография и новые подходы к изучению Первой российской революции»), И.М.Пушкареву («Новые проблемы источниковедения истории революции 1905—1907 гг.»), Ю.И.Кирынова («Менталитет российского рабочего в начале XX в.»), О.В.Волобуева («Меньшевики и большевики в период Первой русской революции»), Н.Г.Королевой («Земство и революция»), Р.Ш.Ганелина («Кризис самодержавного строя и поиски выхода из него в 1905—1907 гг.»), В.М.Шевырина («Первый опыт российского парламентаризма»), А.В.Игнатьева («Влияние военных поражений и революции 1905 г. на внешнеполитический курс России»), С.М.Исхакова («Революция 1905—1907 гг. и российские мусульмане»), В.С.Мясникова и Р.А.Миролицкую (Первая русская революция и Китай). Кстати говоря, указанный сборник является единственным изданием подобного рода, увидевшим свет в 1990-е годы.

Уже из перечня этих докладов видно, что исследователей перестали интересовать массовое рабочее, крестьянское, студенческое и солдатско-матросское движение, деятельность профсоюзов и других общественно-политических организаций, роль Православной церкви в период революции. Очень ограничен интерес исследователей к национальным движениям, международным откликам на события в России, итогам и урокам революции.

В монографических работах о Первой российской революции наиболее сильно представлен блок исследований по истории отдельных политических партий, что, несомненно, отражало возросший интерес к этой тематике в связи с возрождением многопартийности в постсоветской России. История левых партий представлена в монографиях А.П.Логунова о РСДРП (1992) и М.И.Леонова об эсерах (1997). Логунов показал, как уже в 1905 г. началась эволюция большевизма к коммунизму, а меньшевизма к демократическому социализму. Что касается монографии Леонова, то для нее характерно богатство источниковой базы и тщательность анализа многообразной деятельности эсеров в 1905—1907 гг. Один из более частных, хотя и очень важный аспект истории неонароднических организаций представлен в работе Р.А.Городниченко о Боевой террористической организации эсеров (1969). Пример нового прочтения истории правых партий в России дал С.А.Степанов в книге «Черная сотня в России в 1905—1914 гг.» (М., 1993), показавший демократическую струю правомонархического движения и закономерность оживления русского национализма в 1905 г. на фоне роста национальных движений в таких регионах России, как Прибалтика, Польша, Финляндия. Закавказье и др.

Качественно новый этап в изучении истории российского либерализма открыла книга В.В.Шелохаева «Либеральная модель переустройства России» (М., 1996). Новаторский характер работы В.В.Шелохаева состоит в том, что он обратился к сложнейшей проблеме моделирования социально-политических явлений, показав, как различные либеральные партии представляли себе перестройку социально-экономических отношений и политического строя, урегулирования межэтнических конфликтов и сохранения геополитических великодержавных позиций России в начале XX века. Эта работа может послужить образцом для других исследований на аналогичную тему о правых и левых партиях, выдвигавших свои проекты обновления нашей страны. При этом нельзя не отметить, что подавляющее большинство этих и других работ по истории Первой российской революции издано все в том

же РОССПЭНе при содействии Российского гуманитарного научного фонда, которого пока еще, к счастью, не отпугивает революционная проблематика.

Оригинальна во замысле работа А.Н.Кураева «Партии и массовые организации в Первой русской революции» (М., 2000), где рассматривается отношение социал-демократов, эсеров, кадетов, октябристов и правых партий к таким массовым организациям, как Советы, профсоюзы, Всероссийские крестьянский и железнодорожный союзы, Союзы союзов и др. Интересный аспект истории политических партий на региональном уровне исследовал костромской историк А.М.Белов в книге «Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905—1907 гг.» (Костома, 1997).

Отзвуком былого внимания к классу-гегемону стала монография петербургского историка Николая Михайлова «Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906—1907 гг.» (М.; СПб., 1998), построенная на анализе многочисленных воспоминаний и архивных источников. Однако в целом этот раздел историографии революции 1905—1907 гг. находится сегодня в состоянии глубокого кризиса. Не лучше обстоит дело и с изучением крестьянского движения. Не спасает положение ни яркая переводная книга Теодора Шанина «Революция как момент истины» (М., 1997), ни монография О.Г.Буховца «Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты» (М., 1996), построенная на материалах крестьянских наказов и приговоров периода революции.

Наконец, «парламентский» блок исследований представлен монографиями И.К.Кириянова и М.Н.Лукьянова «Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906—1907 гг.» (Пермь, 1995) и В.А.Козбаненко «Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906—1907» (М., 1996), представляющими собой содержательные конкретно исторические исследования первых шагов молодого российского парламента.

После долгого перерыва вновь зазвучала в историографии и тема российского земства, раскрытая, в частности, в монографии Н.Г.Королевой «Земство на переломе (1905—1907 гг.)», изданной в 1995 г.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что история Первой российской революции открывает перед современным исследователем самый широкий простор для проявления его творческой инициативы и индивидуальности. Пора вспом-

нить одно очень интересное и важное замечание Л.Н.Толстого в романе «Война и мир»: «Даже в самую грозную годину борьбы с наполеоновским нашествием не прекращалась повседневная жизнь людей с их горестями и радостями, счастливыми и трагическими моментами, бытовыми заботами». Это в полной мере относится и к периоду 1905—1907 годов. Социальная история России немыслима без изучения демографических проблем, состояния семьи, сельской общины и городского сообщества, положения женщин и молодежи, роли различных сословных групп населения, их менталитета и социальной психологии. Революция и народное хозяйство России — еще одно важное и почти забытое сегодня направление научного поиска. Заслуживает продолжения и изучение такой темы, как революция и органы местного самоуправления. Актуальными остаются история политических партий (особенно тех из них, которые не привлекали прежде внимания историков), парламентаризма, национальных движений. По-новому нужно исследовать рабочее и крестьянское движение, выступления студенчества и интеллигенции. Наконец, остаются в силе призывы к изучению таких тем, как революция и человек, революция и повседневная жизнь, революция и искусство. Требуют переосмысления и методологические проблемы: типология российских революций, соотношение революции и реформы, механизмы возникновения и развития массовых социальных и национальных движений и т.д. Остается лишь надеяться, что история российских революций останется полноправной составной частью новой российской историографии, которая должна превратиться в серьезную, правдивую и уважаемую в обществе науку.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
С.В.Тютюкин Накануне столетия первой революции в России (историографические заметки)	7
И.С.Розенталь Глазами современников (К оценке российской модернизации)	22
О.В.Волобуев, С.В.Кулешов Русский вопрос в имперском и постимперском контурах	39
М.П.Мchedлов О современной православной социальной доктрине (К принятию «Основ социальной концепции РПЦ»)	63
В.П.Желтова Правовое положение евреев в Российской империи (конец XVIII — начало XX в.)	75
А.И.Нарежный Эволюция конституционных воззрений Б.Н.Чичерина	98
С.В.Шелохаев Общественно-политические взгляды Д.Н.Шипова	120
Н.Б.Хайлова Русский экономист А.С.Посников: мыслитель и борец	133
П.Н.Зырянов Бросок на остров Беннетта (Спасательная экспедиция лейтенанта А.В.Колчака в 1903—1904 гг.)	154
Н.А.Иванова Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII — начала XX в.	176
А.В.Репников Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX века	202
А.Л.Стародубова Особенности нового либерализма в России в начале XX в.; от теории к практике	221
И.А.Жданова Журнал «Народоправство» о народоправстве в 1917 г.	235
Н.И.Канищева Центральное течение кадетской партии в эмиграции	251

В.П.Булдаков	
Большевизм в интерьере российской многопартийности	286
В.Ю.Карнишин	
Губернские власти Поволжья и структуры политических партий в условиях революционных потрясений 1905—1907 гг.	303
И.В.Нарский	
Революция и судьба провинциальной многопартийности (Урал, 1917—1922)	322
Л.Г.Березовая	
Пушкинианство русского интеллигента	342
В.В.Журавлев	
Бескорыстие историка	359
А.П.Ненароков	
Точки отсчета	369
Избранные труды В.В.Шелохаева	379
Краткие сведения об авторах	396